

и́нїя иноческаго пребыванїя въ домъ Пресв. Троицы и пр. Антонїа», отдаеть туда Катихизисъ Вел.—единственную вещь, которую онъ не считалъ даже достойнымъ передать своимъ родственникамъ.

Опасаясь что книга можетъ утратиться и чрезъ то прекратится поминовеніе, исчезнетъ память ихъ усердія, вкладчики иногда всякой злой волѣ угрожаютъ клятвами: «И тою книгу безъ благословенья никому не унести и не украсть. А хто безъ благословенья возьметъ или украдетъ и с тово богъ судить въ будущемъ во веки векомъ аминь». «А что книгу сію исхититъ изъ церкви с іудами будетъ... Кто сію книгу украдетъ тотъ будетъ проклятъ и не буди на немъ милости б-жїя и Пр-тыя б-цы». Или вотъ какую трогательную просьбу высказываетъ въ своихъ вкладныхъ патріаршіи казначей старецъ Пансій: «...сію книгу съ прилежнымъ моленіемъ предложилъ... усердно прошу желательный работникъ сего святаго дому со слезами молю сея святаго обители отцемъ и прочимъ почитающимъ и послушающимъ сея книги да сотворятъ сомною многогрѣшнымъ милость, помолятъ Госнода Бога о оставленїи согрѣшенїй моихъ и о прочихъ моихъ родителяхъ, да и сами отъ Бога милость обрящутъ и да не дерзнетъ кто сей книги безъ благословенїя настоятелей изъ святаго обители взяти и тайнокраденіемъ восхитити. Аще же кто дерзнетъ сію книгу изъ святаго обители взяти или кто какимъ неправеднымъ умышленіемъ и тайнокраденіемъ восхотитъ и за обезчестїе сея св. обители да воздасть ему Г-дь Богъ, якоже Ананїи и женѣ его Сапфирѣ, иже отъ своего имѣнїя утаиша при святахъ апостолахъ. Тако и сему еже отъ святаго обители не свое похитившему, да судить ему Г-дь Богъ на праведномъ своемъ судѣ въ ономъ вѣцѣ».—И воля вкладчиковъ признавалась священной: «изъ монастыря не отдаватъ і не продаватъ зѣло д-шеврдно безъ брацкой воли что чинить»—чья-то приписка, м. б. монастырскаго книгохранителя.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Религіозно-культурный центръ крайняго сѣвера.

На дикомъ Мурманѣ, съ землей, покрытой обмерзлымъ торфомъ, въ странѣ мрака, освѣщаемого лишь блескомъ сѣвер-

наго сiянiя, находится «Печенгскiй монастырь» небольшою по числу братiи, небогатый въ матеріальномъ отношенiи, но чрезвычайно богатый энергіей своихъ насельниковъ и чрезвычайно важный въ религіозно-культурномъ отношенiи.

Во главѣ обители стоитъ архимандритъ Ионафанъ, простой крестьянинъ, съ начальнымъ образованiемъ, но, несомнѣнно, одинъ изъ талантливыхъ русскихъ самородковъ, сдѣлавшій для монастыря то, что останется ему навсегда великимъ памятникомъ. Въ безпросвѣтной темнотѣ сѣвернаго дня онъ зажегъ неугасимый свѣтъ электричества. На 15 верстахъ отъ пристани до верхняго и нижняго монастыря раскинулись плоды трудовъ архимандрита и братiи. Вотъ «заводъ», выстроенный на мѣстѣ прежней мельницы на р. Княжухѣ, мельницы времени Иоанна Грознаго, отъ которой остались лишь обломки жернововъ. Силою воды движутся теперь здѣсь электрическія машины, пожертвованныя монастырю Государемъ Императоромъ со «Штандарта», приводя въ движеніе лѣсопилку и цѣлый рядъ столярныхъ и другого рода станковъ, изъ которыхъ многіе представляютъ удивительнѣйшее свидѣтельство ума и смѣлки русскаго человѣка. Таковъ, на примѣръ, интереснѣйшій столярный станокъ, рѣжущій металлъ, собранный монахомъ—неучемъ изъ всевозможнаго лома, который онъ находилъ и покупалъ на норвежскихъ базарахъ и составилъ по случайно попавшему въ монастырь англійскому каталогу машинъ съ иллюстраціями.

Самъ игумень всегда на работѣ первый. Въ темную непроглядную мглу онъ велъ свою немногочисленную братію, съ фонарями и заступами въ рукахъ, на первый подвигъ—закаленія воли, на тяжелый трудъ проложенія дороги къ монастырю. Бурная рѣка, на которой приютилась обитель, съ ея порогами не могла служить такой дорогой. Ее нужно было проложить по мерзлой тундрѣ, а для этого нужно было рядомъ осушительныхъ работъ выпустить ледъ изъ торфяного грунта. Желѣзная воля и упорный трудъ игумена и братiи въ теченіи 12 лѣтъ—сдѣлали это. Прямая, какъ стрѣла, дорога ведетъ теперь отъ монастыря къ морю. По бокамъ тянутся два охранителя дороги—15-ти аршинной глубины канавы, такъ что вся дорога напоминаетъ желѣзно-дорожное полотно, съ насыпями, перекидными мостами, и т. д. Торфъ, мало-по-малу выпускавшій изъ себя вѣковую воду, осѣдалъ, канавы рылись еще

глубже и въ настоящее время плотно дороги настолько компактно, что представляетъ изъ себя чудо инженернаго искусства. Норвежцы оцѣниваютъ эту дорогу въ два милліона рублей и прѣзжаютъ учиться у иноковъ обители, неизвѣстныхъ подвижниковъ Русской земли, инженерному искусству. Учатся они здѣсь и тому, какъ оживить сѣверную тундру.

На землѣ монастыря, гдѣ нѣкогда росъ только лишай, гдѣ торфяной грунтъ признанъ лишеннымъ силы давать жизнь, теперь, благодаря уходу и удобренію, разстилаются луга съ травой, доходящей въ іюль мѣсяцѣ до колоссальныхъ размѣровъ. «Когда смотришь съ горъ, говоритъ одинъ паломникъ, гдѣ 300—400 лѣтъ назадъ спасался въ пустынномъ житіи св. Трифонъ, смотришь въ пустынную доселѣ долину рѣки Печенги, то, кажется, грезидь. На 70 градусѣ сѣверной широты растутъ лѣса, въ нихъ видишь стройные ряды березъ... тамъ, гдѣ прошло монастырское хозяйство, цвѣтутъ луга. Не смотря на все усилія, вырастить хлѣбъ тамъ не удастся, но огородничество дало уже нѣкоторые результаты: къ радости игумена и братіи земля принесла имъ картофель, лукъ, рѣпу. Зато сѣно получается въ монастырѣ прекрасное. Косится оно во всякую погоду и просушенное въ особо устроенныхъ стогахъ, оно прессуется въ мягкую, душистую зеленую траву. Имъ кормится скотъ, отличающійся здѣсь своей величиною и молочностью (коровы выше человѣческаго роста и даютъ 400 ведеръ молока въ годъ).» Впрочемъ главный доходъ монастыря — рыболовство.

Не забыта игуменомъ и просвѣтительная задача монастыря. Въ монастырѣ существуетъ двѣ школы — первая въ краѣ. Стѣны школы раздвижныя и по воскреснымъ днямъ школа превращается въ обширный залъ, въ который собираются окрестные жители для поученія.

Иностранцы настолько цѣнятъ культурное значеніе монастыря, что на лѣто прѣзжаютъ сюда массами. Не забываетъ стоящій стражемъ на русской границѣ монастырь и русское общество, своими жертвами поддерживающее этотъ религіозно-просвѣтительный центръ крайняго русскаго сѣвера.

Своимъ настоящимъ устройствомъ монастырь обязанъ архимандриту Іонафану, который является отцомъ не только братіи монастыря, но и всего края. Онъ учитъ, кормитъ,

помогаетъ туземцамъ, русскимъ, лопарямъ. Вокругъ себя онъ собралъ 40 человѣкъ братіи и до 200 человѣкъ юношей-трудниковъ; по обѣту самихъ или родителей приходящихъ въ монастырь года на два для послушанія. Часто приходятъ они болѣные тѣломъ и духомъ и, благодаря здоровому труду, покидаютъ обитель значительно поздоровѣвши и получивъ здѣсь незабываемые уроки труда, дисциплины и практическихъ знаній. Такъ, окрыленный Божіей силой архимандритъ Ионафанъ продолжаетъ свое великое дѣло просвѣщенія сѣвера. Благодаря ему Мурманъ остается русскимъ: монастырь стоитъ на стражѣ русскихъ интересовъ.

Изъ замѣтокъ о путешествіи на Ближній Востокъ игумена Никандра, состоявшаго въ братствѣ Соловецкаго монастыря.

(Продолженіе.)

Седьмого поября выѣхали по жел. дорогѣ въ Яффу (Юппія); переѣздъ стоитъ два рубля. Остановились и почевали въ греческомъ монастырѣ, всенощную же служилъ я на русскомъ подворьѣ. Церковь подворская воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ ап. Петръ воскресилъ Тавноу; вблизи ея родовая усыпальница. На подворьѣ разведенъ прекрасный апельсинный садъ.

На другой день въ полдень выѣхали на французскомъ пароходѣ «Конго» въ Портъ-Саидъ, уплативъ агентству десять франковъ за проѣздъ. Паломниковъ же ѣдетъ насъ на Синай пятнадцать человѣкъ въ сопровожденіи каваса. Въ 11 часовъ ночи пришли въ городъ и отиравились на вокзалъ жел. дороги. Дождались поѣзда въ Измаилъ и прибыли туда въ 11 часовъ утра. Осмотрѣли городъ, были въ прекрасномъ финиковомъ саду, въ которомъ множество каменныхъ боговъ древняго Египта, и, въ 3 часа дня пріѣхали въ Суецъ; остановились на Синайскомъ подворьѣ.

Утромъ 10-числа все наше общество собралось въ комнату, гдѣ помѣщался я съ кавасомъ. Прочитали утреннія молитвы, шестопсалміе, дневное евангеліе, акаѣистъ Спасителю, пропѣли тропарь «Заступнице усердная», приложились къ Евангелію и Кресту, и напившись чаю, отправились въ сопровожденіи каваса на базаръ; размѣняли русскія деньги на египетскія и